

Межкультурные взаимодействия
в полиэтничном пространстве
пограничного региона

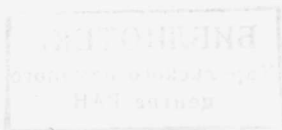
Российская академия наук
Карельский научный центр
Институт языка, литературы и истории

**МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В ПОЛИЭТНИЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ
ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА**

Материалы международной научной конференции,
посвященной 75-летию Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Петрозаводск
2005

155912K

ББК 6/8

УДК 3 + 7/9 (470.22)

Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Сборник материалов международной научной конференции. Петрозаводск, 2005. 416 с.

Сборник статей содержит материалы научной конференции, состоявшейся 10–12 октября 2005 г. в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН. Участникам конференции было предложено рассмотреть пограничье как географическое и историко-культурное пространство, осмыслить феномены границ, контактных зон, ареалов взаимодействия людей и идей в социально-демографическом, национальном, религиозном, этнолингвистическом контексте, а также путем обращения к фольклорной и литературной традиции – результату взаимодействия прибалтийско-финской и славянской культуры. В конференции приняли участие известные ученые и начинающие исследователи академических и университетских центров, институтов и музеев России, Финляндии, Эстонии.

Составитель О. П. Илюха

Секретарь издания А. Е. Беликова

Материалы печатаются в авторской редакции

*Конференция состоялась при поддержке РГНФ (грант 05-01-14022г),
программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых»,
Государственного комитета по делам национальной политики
Республики Карелия*

Сборник публикуется при поддержке РГНФ (грант 05-01-14022г)

156395K

ISBN 5-9274-0188-0

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2005

³ Герасимов М. К. Некоторые обычаи, обряды, приметы и поговорки крестьян Череповецкого уезда Новгородской губернии // Этнографическое обозрение. 20. 1894. № 1. С. 121.

⁴ Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Л., 1988. С. 75–83.

⁵ Работнова И. П. Указ. соч. С. 12.

⁶ Работнова И. П., Вишневская В. М., Кожевникова Л. А. Народное искусство Архангельской области // Сб. трудов НИИХП. М., 1962. Вып. 1. С. 18.

⁷ Тазихина Л. В. Север Европейской части РСФСР // Крестьянская одежда населения Европейской России: XIX – начала XX в.: Определитель. М., 1972. С. 133.

⁸ Ефименко П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии // Тр. этнографического отдела ИОЛЕАЭ. М., 1877. Кн. 5, вып. 1. С. 62

⁹ Миллер В. Ф. Систематическое описание коллекций Дашковского этнографического музея. М., 1983. Т. 3. С. 25.

¹⁰ Там же. С. 6.

Словари

Архангельский областной словарь. М., 1980–1999. Вып. 1–10.

Новгородский областной словарь. Новгород, 1992–2000. Вып. 1–13.

Словарь вологодских говоров. Вологда, 1983–2002. Вып. 1–9.

Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб, 1994–2002. Вып. 1–5.

Словарь русских народных говоров. Л.; СПб, 1965–2004. Вып. 1–38.

© Г. М. Керт
Петрозаводск

Критерии идентификации саамской субстратной топонимии

Типологически и по своим лексическим и грамматическим показателям саамский язык наиболее близок к прибалтийско-финским языкам. Вместе с тем, в саамском языке имеется ряд признаков, отличающих его от других прибалтийско-финских языков. Говоря о переходе протосаамов на финно-угорскую речь и об отражении этого явления в фонетике саамского языка, Д. В. Бубрих писал: «Не подлежит сомнению, что лопари стали пользоваться одной из разновидностей финно-угорской речи только несколько тысячелетий назад – в лопарской фонетике отражаются „перевой“, объясняющиеся переходом финно-угорской речи в новую среду (появление задержки артикуляции согласных при определенных условиях, исчезновение шипящих согласных, сокращение числа гласных и т. д.)»¹. Важным свидетельством дофинно-угорского периода в этнической истории саамов является слой лексики, не имеющий соответствий в

других уральских языках. По данным известного финского исследователя саамского языка и культуры Т. Итконена, в саамском языке до трети словарного запаса составляет лексика, не имеющая соответствий в других языках. «Если отграничить в саамском языке те слова, соответствия которым имеются в финно-угорских и самодийских языках, а также те, которые заимствованы из скандинавских и русского языков, то в нем остается до трети всего словарного состава, составляющего многотысячный слой лексем, которым невозможно найти соответствия ни в одном из других языков (помимо, может быть, тех, которые заимствованы из саамского, например, в финский)»².

Представленные лексемы отражают жизненно важные для саамов понятия не только окружающего ландшафта, природных явлений (природные объекты, явления природы, флора, фауна), но и базисные понятия человеческой деятельности (части тела человека, семейные отношения, психические и физические действия, хозяйственная и иная деятельность): 1) ландшафт, флора, фауна: *jemmn* земля (примеры даются по кильдинскому диалекту), *njarrk* мыс, *čadz* вода, *vunntas* песок, *povvn* кочка на болоте, *keddk* камень, *abbr* дождь, *pinnk* ветер, *roššn* рябина, *luemman* морошка, *sarr* черника, *jonng* брусника, *kampar* гриб, *murr* дерево, *kettk* росомаха, *nigkeš* щука, *šappš* сиг, *allt* важенька, *konnt* олень дикий, *puaz* олень домашний; 2) хозяйственная деятельность: *sajjm* сеть, *cedz* краска для сетей, *ollk* вешала для сетей, *njamn* клей, *čujjke* ходить на лыжах, *kimmnj* котел, *vjarr* суп; 3) соматическая лексика: *kuttk* сердце, *nirr* щека, *kajjv* подбородок, *čoačjv* живот; 4) глаголы: *kippte* варить, *tullte* кипеть, *kirrte* лететь, *kuarkte* хватать, *lujjhke* плакать, *nisse* целоваться, *njuččke* прыгать, *čaccke* бросать, *tommte* узнавать; 5) другая лексика: *kuras* пустой, *modžes* красивый, *sejjd* божество, *cigk* туман, *munj* мороз и т. д.³

При компьютерной обработке свода саамской топонимии, собранной К. Никкулем в районе Печенги и насчитывающей 1555 топонимов, по частотности употребления в составе топонимов субстратные лексемы распределились следующим образом: *njarrk* мыс – 93, *suel* остров – 75, *koshk* сухой – 30, *uts* маленький – 29, *kuorb* пожога – 28, *moorast* гора, гряды – 27, *jonn* большой – 21 и т. д.⁴

Антропологически саамы в отличие от других прибалтийско-финских народов принадлежат к монголоидной расе, приближаясь по этому признаку к марийцам и удмуртам⁵.

Как известно, в прибалтийско-финских и саамском языках имеются балтийские (литво-латышские) заимствования⁶. В саамский язык они проникли через прибалтийско-финские языки.

Особенно велико было влияние на прибалтийско-финские и саамский языки германских (скандинавских) языков. По подсчетам ученых, в диа-

лектах саамского языка насчитывается до 3000 заимствований. Имеется огромная литература по данному вопросу. Р. Нисканен подготовила Библиографический указатель, насчитывающий свыше 600 работ⁷.

С XI в. саамы вошли в соприкосновение с русскими. Поскольку заимствования из русского языка на первоначальном этапе проходили на уровне диалектной речи, в саамский язык заимствовались слова, находящиеся на периферии русского литературного языка, например: *sule* бутылка (ср. рус. сулея – штоф, бутылка), *buhmarne* пасмурный (ср. рус. бухмарный – пасмурный, облачный), *domvei* надгробье (ср. рус. домовина – гроб), *sulem* ядовитый (ср. рус. сулема – ядовитый белый порошок), *koadte* брюки (ср. рус. гачи – штаны) и др. Древние русские заимствования настолько прочно вошли в саамскую речь, что подчиняются просодическому признаку – чередованию ступеней согласных.

Заимствованная лексика в определенной мере может пролить свет на относительную хронологию контактирования. Так, в прибалтийско-финских языках в свое время произошел переход $ti > si$, например, финское *silta* из балтийского (литовское) *tiltas*; в саамском языке в соответствующих словах такой переход также произошел, ср. саамск. (кильдиск.) *šallt* пол. Этот факт говорит о том, что саамские племена разошлись с прибалтийско-финскими **после того**, как в прибалтийско-финском и саамском языках произошел переход ti в si .

После распада прибалтийско-финско-саамской общности в прибалтийско-финских языках произошел переход $s > h$. Приведем примеры литво-латышских заимствований: фин. *halla* заморозки, ср. саамск. *sulln* изморось, фин. *lohi* лосось ср. саамск. *luss*, фин. *heinä* ср. саамск. *sujjn*, фин. *heimo* племя, ср. саамск. *sujjn* сход, собрание, фин. *pühä* святой, ср. саамск. *pass* и т. д. Как видно из примеров, в саамском языке такого перехода не произошло, то есть саамский и прибалтийско-финские языки разошлись **до того**, как в прибалтийско-финских языках этот переход совершился.

Таким образом, в настоящее время в зависимости от характера лексики, фонетических изменений, происходивших после распада прибалтийско-финско-саамской общности, имеются достаточно четкие критерии идентификации саамской топонимии. Поскольку ареал саамской топонимии распространен в различных этнических и культурно-исторических зонах, целесообразно, на наш взгляд, проанализировать «встроенность» саамской топонимии в язык-приемник, выявить специфику адаптации в каждом заимствующем языке. Априорно, учитывая обширность территории, можно утверждать, что хронологически эти процессы в каждой зоне не могли протекать одновременно и однотипно.

Условно можно выделить следующие зоны адаптации:

1. Территория Архангельской и отчасти Вологодской и Ленинградской областей или Европейский Север России. Здесь элементы саамской топонимии сохранились в адаптированном русском языке в виде. «Живая» вепсская топонимия функционирует в районах расселения вепсов Вологодской и Ленинградской областей. Поскольку наряду с саамской топонимией в данном ареале явственно прослеживается прибалтийско-финский пласт, возникает вопрос, была ли эта зона былого единства прибалтийских финнов и саамов или хронологически первыми насельниками были протосаамы.

2. Карелия. Исторические процессы взаимодействия саамов, карел и русских проходили здесь уже в период «писанной» истории и имеют документальные и иные свидетельства.

3. Финляндия. Саамская топонимия сохранилась в этом регионе, адаптированная диалектами северной группы прибалтийско-финских языков – карельским и финским. По существу, здесь проходили процессы, аналогичные карельским до прихода русских.

4. Кольский полуостров. Проникновение русских, в частности новгородцев, на территорию Кольского полуострова относится к первой половине XI в. К XV в. русские прочно осели на Терском берегу Кольского полуострова, где в это время от Кандалакши до Варзуги были поселения карел и, судя по топонимии, саамов⁸. Конечно, четкие границы между этими зонами провести невозможно.

Мы не рассматриваем территорию северной Скандинавии, поскольку не располагаем соответствующими материалами.

1. Европейский Север России. Как и в каждом исторически сложившемся регионе, наиболее древний страт этимологически не реконструирован. Следующим в хронологическом отношении можно считать слой саамской (лопарской) топонимии. Кому принадлежит эта топонимия – протосаамам или «финноугризированным» саамам – науке предстоит решить в будущем.

Выдвинутая еще в XIX в. А. И. Шегреном и М. А. Кастреном и нашедшая поддержку в работах М. Фасмера и А. И. Попова идея о пребывании саамов в бассейне Северной Двины получила дополнительную аргументацию в работах А. К. Матвеева.

В топонимии явственно прослеживаются следы как саамского, так и прибалтийско-финских языков. Собственно саамская топонимия идентифицируется субстратным слоем лексики. Приведенные А. К. Матвеевым материалы свидетельствуют, что саамская топонимия могла восприниматься как русским языком, так и прибалтийско-финскими. Такие топонимы, как Няльмозеро, Нюхчручей, Енгозеро,

Тохтозеро, могли возникнуть при прямом заимствовании из саамского, ср.: *njallm* устье; рот, *njuhč* лебедь, *jonng* брусника, *tohht* гагара. Топонимы типа Чухченема, Лумплахта первоначально могли быть заимствованы прибалтийскими финнами у саамов (ср. саамск. *čuhč* глухарь, *luetman* морошка и финское *net* из *niemi* мыс и *lahti* залив) и впоследствии русскими у прибалтийских финнов⁹.

Субстратные саамские топонимы в русском употреблении, естественно, прошли фонетическую и морфологическую адаптацию в соответствии с законами русского языка.

Важным свидетельством пребывания этноса на той или иной территории являются исторические источники, а также топонимы, в основе которых лежат этнонимы – названия национальных общностей.

О пребывании саамов на восточной окраине Европейского Севера России имеются косвенные сведения. Так, Т. Лукьянченко пишет: «Современное население п-ва Канин, так называемых канинских ненцев, еще в начале нашего века соседние русские и коми называли лопарями. Кроме того, некоторые особенности культуры канинских ненцев сходны с саамскими. Так, очень похожи головные уборы канинских ненцев и саамов. Лодка, которой пользуются канинские оленеводы во время перекочевок, напоминает по форме лопарскую кережу. Интересна также и ненецкая промысловая обувь – тоборки с отрезными голенищами, как бы пришитыми к саамским каньгам¹⁰.

Саамская топонимия в качестве субстрата функционирует в составе вепсской топонимии в бассейне р. Ояты¹¹. Адаптированная русским языком, она представляет собой факт русской речи. Поскольку саамский язык структурно во многом совпадает с вепским, топонимические модели этих языков в большинстве своем идентичны. Интересно отметить, что саамские лексемы в составе вепского топонима не переводятся. При адаптации вепсской топонимии русским языком перевод отдельных лексем – обычное явление.

2. Карелия. О пребывании саамов на территории Карелии помимо топонимических данных свидетельствуют письменные памятники, устные предания, археологические находки, этнографические сведения и этнонимия¹². Первоначальный письменный документ о саамах на территории Карелии имеется в записи святого Лазаря Мурманского, называемого также Муромским, который основал Успенскую церковь на Мурманском острове Онежского озера, чтобы обращать в христианство саамов, живущих неподалеку. Вот что он сообщает: «А живущие тогда именовались около озера Онега *Лопляне* и *Чудь*, страшные сыроядцы близ места сего живяху...»¹³ Как видно из записи, саамов (лопляне) и вепсов (чудь) уже идентифицировали как самостоятельные этносы.

Живая память народа донесла сведения о пребывании саамов на севере Карелии. Так, в 1947 г. В. Евсеев записал от сказительницы Марии Михеевой (род. в 1885 г. в дер. Алаярви ныне Калевальского района) два предания о пребывании саамов (лапландцев) в этих местах¹⁴. Из текстов можно узнать, что саамы «жили в землянках», «запускали невод», «строили запруды», были православными: «они осенили лицо крестным знамением».

Важным доказательством пребывания саамов в Карелии являются археологические памятники. Свообразными и характерными памятниками саамского этноса являются сейды. Сейдами, по утверждению Т. Итконена, саамы называли выделяющиеся по размерам или по форме камни или скалы, в которых, по их представлениям, жили боги или духи, а также пни и деревянные столбы, которые посвящали богам¹⁵ (подробно о сейдах в Карелии смотри статью И. С. Манюхина «Культовые места саамов в Карелии»¹⁶). В связи с сейдами интересно отметить, что рядом с этими культовыми местами, как правило, наблюдается скопление саамской топонимии.

Уместно также напомнить, что Д. В. Бубрих, занимаясь этнонимией Карелии, обратил внимание, что некоторые карелы своих северных соседей называли «лаппи»¹⁷.

В ономастике важно не только то, как называют тот или иной объект или этнос, но и кто называет. Как справедливо заметил известный исследователь топонимии А. И. Попов, «местные названия, связанные с племенными, возникают чаще всего в областях соприкосновения двух или нескольких племен»¹⁸. Племенные названия возможны только в том случае, когда один этнос четко идентифицирует себя по отношению к другому, причем это название часто может не совпадать с самоназванием этноса. Саамы себя называют *saam*, *saabme*.

А. И. Попов приводит извлеченные из «Писцовой книги Обонежской пятины» названия населенных пунктов с компонентом *лопь* на территории Карелии: «деревня Лопинская (погост Спасской в Кижках)», «Деревня в лопском конце на Куко-озери». Есть в писцовых книгах (Вотская пятина) и такие указания: «в Вотцкой пятине город Орешек... На Корельской стороне 12 дворов, а на Лопьской 72 двора»¹⁹.

Следы саамской топонимии равномерно распределены по всей территории Карелии. Причем сколки саамской топонимии, вкрапленные в русские названия, идентифицируются субстратной саамской апеллятивной лексикой, например: Ваджега (ср. саамск. *vuottttšu* болотистая местность с цепью озер; ср. также *vadž* важенка, самка оленя), Няльмозеро (ср. *njallm* устье, глотка), Навдьюзеро (ср. *navvd* волк, зверь), Нюхчозеро (ср. *njuhčč* лебедь) и др.²⁰

Саамские лексические основы широко представлены в карельских топонимах. Собственно карельская топонимия поглотила саамскую. Наиболее полно саамские элементы сохранились в гидронимии. В. Лескинен приводит примеры: *Lužmandjogi* Лужма река (ср. *lussm* исток реки), *Nälmadjogi* Няльма река, *Lubosalma* Лубосалма пролив (*luobbal* проточное озеро). По утверждению В. Лескинена, в Карелии имеется около 800 гидронимов с саамскими вкраплениями²¹.

3. Финляндия. Исследование саамской топонимии Финляндии связано прежде всего с именем Т. Итконена. Уже в 1920 г. в журнале «*Virittäjä*» появилась его статья о саамских топонимах субстратного происхождения на территории распространения диалектов финского языка²². По утверждению Т. Итконена, если саамское слово или часть слова были знакомы, то оно переводилось на финский язык например: *Hietajärvi* – *Vuodasjäuri* (*hieta* – *vuodas* песок), *Jäniskoski* – *Njoammelkuošk* (*jänis* – *njuemmel* заяц), *Saariselkä* – *Sueločielg* (*saari* – *suelo* остров). В 1926 г. в этом же журнале было опубликовано дополнение, содержащее 13 топонимов²³.

Т. Итконен провел уникальное по своей скрупулезности исследование, зафиксировав на карте Финляндии топонимы, обусловленные апеллативной и этнонимной лексикой. Так, на территории Финляндии он выявил и зафиксировал на карте 575 топонимов с компонентом *lappi*. Причем, число таких топонимов в ходе дальнейших разысканий, по его мнению, будет увеличиваться. Автор утверждает, что все эти названия связаны с саамами не только как насельниками этих мест, но и торговцами и налогоплательщиками. На другой карте им отмечено до 900 топонимов с саамскими компонентами²⁴.

4. Кольский полуостров. Центральная, северная и восточная его части, по всей вероятности, напрямую адаптировались русской топонимией. На западной и южной (Герский берег) частях до прихода русских предположительно проживали карелы и финны²⁵.

Длительные контакты русских с саамами придали колорит русской топонимии Кольского полуострова. Несомненно, что саамы не были первыми насельниками полуострова. Так, Т. Итконен приводит до 80 употребляемых саамами на севере Финляндии топонимов, по его мнению, заимствованных от прежнего населения и не понятных саамам, например: *Anar*, *Jehkatš*, *Kuivi*, *Lemme*, *Nuvvus*, *Roiro* и др. Часть из них саамского происхождения, но со временем они могли исчезнуть, сократиться, износиться²⁶.

Адаптационные процессы в топонимии между родственными языками и разносистемными протекают различно. При взаимодействии русской и

саамской топонимии наблюдается не только значительный разброс моделей адаптации, но и различная степень фонетической, грамматической и лексической освоенности заимствованной топонимии.

Можно выделить следующие основные способы или модели освоения саамской топонимии русским языком. Первый – естественный и довольно распространенный – это передача звукового облика саамского топонима средствами русской фонетики в устной речи и русской графики на письме. Звуковой комплекс, воссоздающий саамский топоним, в русском восприятии, разумеется, не несет никакой информации (если собиратель топонимии или слушающий не владеет саамским языком), кроме как наименование определенного объекта. Это название-слово для русского неразложимо ни на отдельные лексемы, ни на морфемы. Примеры: Айтсуол – остров (ср. *ajht* амбар, *suel* остров), Валеслухт – залив (ср. *vales* кит, *luht* залив), Ньюемельчуолм – пролив (ср. *njuemmelj* заяц, *čuelljm* пролив) и т. д. Сюда можно отнести случаи транслитерации однокоренных саамских лексем: Поной – река (ср. *pienne* собака).

Второй способ адаптации саамской топонимии – полуперевод топонимов, в результате чего появляются так называемые гибридные образования. Переводится, как правило, детерминант, то есть слово, обозначающее вид объекта, а атрибут – определение – не переводится: Мончегуба – залив (ср. *modžes* красивый), Няльмозеро (ср. *njallm* пасть, устье) и т. д.

Наконец, употребительны случаи перевода всех компонентов топонима: *Vureč-luhht* – Вороний залив, *Karabnjarrk* – Корабельный наволок, *Nukkešjavvr* – Щучье озеро, *Supprinnt* – Осиновый берег, *Pienneluhht* – Собачья губа и т. д.

Различные способы адаптации зависят, естественно, от степени взаимного владения языками контактирующих сторон, от способа отразить значение лексем и структуру заимствуемой топонимии средствами своего языка, «встроить» их в свою систему.

Таким образом, при выявлении саамского субстрата необходимо, во-первых, четко идентифицировать хронологические пласты саамской апеллятивной лексики: 1) субстратный, не имеющий соответствий в современных живых языках, 2) прибалтийско-финско-саамский, 3) заимствованная лексика (литво-латышская, германо-скандинавская, славянская). Во-вторых, следует учитывать специфику адаптации саамской топонимии родственными и иносистемными языками.

При выявлении саамского субстрата было бы полезным наложение сетки компонентов современной саамской топонимии района Петсамо на исследуемый ареал. При компьютерной обработке массива саамской топонимии района Петсамо (1555 топонимов) нами было выявлено 838 лексем (этимологизируемых и неизвестного происхождения) и определена частотность их употребления²⁷.

Данные топонимии могут помочь в разрешении вопроса о месте и носительской хронологии соприкосновения саамов с прибалтийскими финнами и вхождению их в финно-угорскую семью.

Существенные результаты могут быть достигнуты при сопряжении топонимии с археологическими памятниками и данными краниологии.

В. И. Хартанович, исследуя древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии, пришел к выводу, «что длительные контакты саамов и карел оставили следы не только в языке и культуре, но и в антропологическом облике обоих народов»²⁸. Поскольку саамы антропологически в отличие от прибалтийских финнов – европейцев принадлежат к монголоидной расе, краниологические находки являются наиболее существенными при идентификации этноса.

¹ Бубрих Д. В. О советском финно-угроведении // СЭ. 1949. № 2. С. 192.

² Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. I. Porvoo–Helsinki, 1948. S. 165.

³ Op. cit. S. 165–167.

⁴ Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск, 2002.

⁵ Марк К. Ю. Соматология финнов и саамов // Финно-угорский сборник. Антропология. Археология. Этнография. М., 1982. С. 127.

⁶ Kalima J. Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat. SKST 202. Helsinki, 1936.

⁷ Нисканен Р. А. Германские заимствования в прибалтийско-финских и саамском языках: Библиографический указатель // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы взаимодействия прибалтийско-финских языков с индоевропейскими языками. Л., 1971.

⁸ Ушаков И. Ф. Кольская земля. Мурманск, 1972.

⁹ Матвеев А. К. Этимологизация субстратных топонимов и моделирование компонентов топонимических систем // Вопросы языкознания. 1976. № 3. С. 65–66.

¹⁰ Лукьянченко Т. В. Этногенез саамов // Этногенез народов Севера. М., 1980. С. 28–40.

¹¹ Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988. С. 74–84.

¹² Керт Г. М. Саамские элементы в топонимии Карелии // Рябининские чтения – 95. Петрозаводск, 1997.

¹³ Харузин Н. Н. Русские лопари (Очерки прошлого и настоящего быта). М., 1890. С. 18.

¹⁴ Евсеев В. Я. Карельский фольклор. Новые записи. Вступительная статья, подготовка текстов и примечания В. Евсеева. Петрозаводск, 1947.

¹⁵ Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. II. Porvoo–Helsinki, 1948. S. 310.

¹⁶ Манюхин И. С. Культурные места саамов в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М., 2003. С. 125–135.

¹⁷ Бубрих Д. В. Указ. соч. С. 192.

¹⁸ Попов А. И. Непочатый источник истории Карелии (Карельская топонимика) // Родные сердцу имена (Ономастика Карелии). Петрозаводск, 1993. С. 59.

¹⁹ Попов А. И. Указ. соч. С. 59–60.

²⁰ Керт Г. М. Некоторые саамские топонимические названия на территории КАССР // Вопросы языкознания. 1960. № 2. С. 86–92.

²¹ Лескинэн В. О некоторых саамских гидронимах Карелии // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Л., 1967. С. 79–88.

²² Itkonen T. I. Lappalaisperäisiä paikannimiä suomenkielen alueella // Virittäjä. 1920. № 1–2. S. 1–11.

²³ Itkonen T. I. Lisiä Keski- ja Etelä Suomen lappalaisperäiseen paikannimistöön // Virittäjä-Suomen. 1926. S. 33–35.

²⁴ Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. I. 589 S. II 631 S. Porvoo–Helsinki, 1948. S. 97–107.

²⁵ Керт Г. М. Характер топонимии юго-западного ареала Кольского полуострова // Etudes Finno-Ougrienne. 1977. T. 14. S. 141–145; Он же. Субстратная топонимия Терского берега Кольского полуострова // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы лексикологии и лексикографии. Л., 1981. С. 64–68.

²⁶ Itkonen T. I. Suomen lappalaiset vuoteen 1945. II. Porvoo–Helsinki, 1948. S. 521–522.

²⁷ Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск, 2002. С. 145–167.

²⁸ Хартанович В. И. Древние и современные антропологические типы Северо-Запада России и Фенноскандии // Очерки исторической географии. СПб, 2001. С. 505.

© Н. Н. Мамонтова
Петрозаводск

К вопросу о нормализации карельских и русских географических названий Карелии

Географические названия, являясь своеобразными памятниками истории, языка и культуры народов, их создавших, отражают физико-географические особенности края, историю его заселения, условия жизни и основные занятия жителей, их мировоззрение, верования и многое другое. Однако основной функцией любого топонима была и остается адресная: названия возникают и существуют прежде всего для ориентирования на местности. Этим обусловлено их огромное практическое значение, особенно в жизни современного общества: для органов государственного управления, транспорта, связи, других учреждений и организаций, ведомств, да и для каждого, живущего на земле, так как крайне важно, чтобы адрес был точным.

Именно поэтому вопросы нормализации (упорядочения написания) русских и иноязычных топонимов, создание инструкций по русской передаче нерусских названий, нормативных словарей-справочников остаются актуальными для ряда территорий многонациональной России, включая Республику Карелия.

Инструкции и словари, как правило, утверждались органами власти и, получив статус нормативных документов, являлись обязательными для всех юридических и физических лиц бывшего Советского Союза.

Созданию инструкций и словарей, разработке рекомендаций по написанию и употреблению названий мест предшествует исследовательская работа. К настоящему времени существует ряд инструкций по передаче на русский язык нерусских топонимов, в том числе финно-угорских (удмуртских, марийских, мордовских, эстонских). Все они были утверждены Главным